
К. Мельценаж
Архивариус
для тёмного советника

К. Мельценаж
Архивариус для Тёмного Советника

https://litres.ru/74972339
SelfPub; 2026

Аннотация

Я очнулась в чужом теле за секунду до позора — и за несколько месяцев до собственной казни. По сюжету этого романа бездарная «пустышка» Селеста Лавуа должна сойти с ума и сгореть на жертвенном алтаре ради чужого триумфа.

Чтобы выжить, мне нужно исчезнуть с глаз принца и его «святой» невесты. Но цена за побег оказалась страшнее самой смерти — годовой контракт, подписанный кровью, в Закрытом Архиве Башни Магии.

Здесь нет окон. Дверь охраняет слепая каменная тварь, дробящая кости за неверный поворот ключа. В темноте нижних ярусов шепчутся проклятые гримуары, сводящие с ума одним своим оглавлением. Они помнят крики своих сожжённых авторов. Они чуют живую кровь. И я — единственная, кто их слышит.

Но самое страшное чудовище живёт не на полках Архива. Оно приходит из теней. Рейнар — Серый Кардинал, цепной пёс

короны, палач, чьё имя произносят шёпотом. Он смотрит на меня с ледяным интересом хищника, заметившего сбой в системе.

Содержание

Глава 1. С прибытием! 5
Глава 2. POV Рейнара. Встреча с Катастрофой 12
Глава 3. Архив? Какой архив? 23
Глава 4. POV Рейнара. Архив. 30
Глава 5. Вперед, во тьму! 37
Глава 6. Клуб "Сплетница" 45
Глава 7. Очередное покушение. POV Рейнара 52
Глава 8. Очередная встреча. 61
Конец ознакомительного фрагмента. 70

К. Мельценаж
Архивариус для Тёмного Советника

Глава 1. С прибытием!

Едкий кислотный запах жжёной кости оцарапал горло. Густой разорванный контур пентаграммы, нарисованный специальным мелом и бурой, красной жидкостью, которая отдаленно, по запаху, напоминала кровь, размывался перед глазами. Вместе с этим нарастал звон в ушах – звук, который болезненно сменялся нарастающим гулом чужих, разномастных голосов. Мир вокруг обретал резкость слишком медленно. Память – неповоротливая, чужая, но теперь уже намертво впитавшаяся в подкорку – наслаивается на книжные знания. Кровь, мел – это, кажется, ритуал призыва фамильяра? По крайней мере на вид точно. Это третья глава романа. Аудитория Черных Зеркал в Башне Магов. Тот самый жалкий, унизительный момент, когда высокомерная злодейка Селеста Лавуа должна была с триумфом призвать духа-хранителя, но её заблокированные мана-каналы привели к позорному взрыву. Я медленно поднимаю глаза. Треснувшее, огромное обсидиановое во всю стену зеркало пока-

зывает перепачканное сажей отражение. Именно в этот же момент, посмотревшись на себя, злодейка поклялась стать сильнее и украсть силу самого сильного мага Академии. Им оказался наследный принц. Я же поклялась себе выжить, потому что я читала этот роман до самого-самого конца и знаю, что произойдет в финале.

— Возмутительно! — гремит над моей головой старческий фальцет. Я чисто инстинктивно вжимаю голову в плечи. Профессор Малахий, о котором я помню со строк отвратительной бульварной книжонки, трясущимися руками стряхивает пепел со своей некогда безупречной мантии и бьет серебряным посохом об пол. — Леди Лавуа! Ваша самонадеянность едва не разнесла половину Северного крыла! Неужели древняя кровь вашего рода окончательно выродилась в пустую спесь?!

Толпа первокурсников-аристократов, жмущихся по стенкам после взрыва, внезапно разражается ядовитыми смешками. Тоже мне, смелые нашлись. Но я прекрасно знаю, что сплетни в Башне распространяются быстрее чумы, и этот шепоток уже пустил свои корни. Лавуа совсем магически обнищали, Ни капли таланта, Пустышка. Чуть поодаль, в стае прихлебателей, стоит элегантная блондинка с огромными голубыми глазами. Лиана, избранная… К её груди доверчиво жмётся сотканный из чистого света дух-фамильяр, которого она играючи призвала пару минут назад. Она смотрит в центр дымящегося круга (и, получается, в мою сторону) с

такой тошнотворной, святой жалостью, от которой по канону настоящая Селеста теряла рассудок и делала самые идиотские и ненормальные вещи. Но спектакль, как я знала, разворачивался не только внизу. Где-то там, на самом верхнем ярусе галереи, скрытой в густой тени стрельчатых арок, застыли две фигуры, до этого лениво наблюдающие за уроком. Одна из них – высокая, статная, в ослепительном белом камзоле, расшитом золотом. Кайрен. Наследный принц, стоящий с идеальной выверенной осанкой венценосного болвана, которого обожали все. Вторая же фигура, как и подобает, стоит на полшага позади, почти сливаясь с мраком.

Если бы я могла увидеть его, я бы наверняка увидела ленивый прищур узких льдистых глаз. Но я и без выражения знала, о чем думают они оба. Что это пошлая, предсказуемая, неизящная трагедия. Они оба наблюдали сейчас за мной, вот только один озадаченно смотрел вниз, а второго, судя по сцене в книге, написанной от его лица, явственно пробирало жгучее раздражение. Ещё бы. Их Империя гниёт заживо, границы трещат по швам от нашествий тварей из Пустоши, а мы, детишки, играем в магию и меряемся чистотой крови, вместо того чтобы получать настоящие знания, полезные в бою. Чистый фарс. Профессор Малахий же делает шаг к разорванному кругу, нависая надо мной, словно коршун над сбитой маленькой пичужкой.

— Встаньте, леди Селеста! — рявкает он и я снова дергаюсь. — И немедленно принесите извинения аудитории и

присутствующему здесь Его Высочеству за покушение на их жизни вашей вопиющей бездарностью!

— Вот же… — Я вовремя прикусываю щеку изнутри, не давая ругательству из моего мира просочиться и сюда тоже. — Простите, да, конечно.

Вставать больно. Приходится сначала отряхнуть обожжённые руки, а пульсирующая боль от соприкосновения кожи к коже подтверждает мне, что это не сон. Проглотив неуместное скуление, я делаю короткий поклон, а не реверанс, и он получается довольно низкий. Форма ученицы Южной Магической Башни чуть натягивается.

— Приношу свои извинения аудитории и присутствующему здесь Его Высочеству за подобный инцидент. У меня небольшие проблемы с магическим резервом и ритуал прошел не так, как было запланировано. Буду усердно заниматься, чтобы подобного не повторилось. Профессор Малахий… Прошу прощения, у меня обгорели руки. Я могу дойти до лекаря?

Конечно же, я не стала обвинять профессора Малахия в его собственной некомпетентности. Даже призыв фамильяра – сложная, ритуальная магия, которая требует от педагога полного включения в работу и полный контроль… Извиниться будет быстрее. Да и мне стоило бы подумать, как разблокировать собственные магические каналы, иначе обучение на факультете Практической Магии будет под бо-ольшим вопросом. В аудитории Чёрных Зеркал, естественно,

повисает звенящая, почти осязаемая тишина. Студенты, уже приготовившиеся насладиться очередной классической истерикой пустышки из рода Лавуа растерянно переглядываются. Ещё бы, у меня высшее образование и опыт работы с сотнями вредных дедов, которым срочно нужно сохранить книжное наследие. Я умею договариваться с людьми, а уж тем более, прогибаться под характер педагогов. Профессор Малахий моргает, явно сбитый с толку отсутствием скандала. Он набирает в грудь воздуха, чтобы разразиться новой тирадой, но мой вопрос явно выбивает у него почву из-под ног, судя по захлопнувшемуся рту и небольшому покашливанию. — В-ваши руки… — старик растерянно опускает свой серебряный посох, словно забыв, что только что собирался изничтожить меня словесно. — Да. Разумеется. В лазарет. Немедленно. И чтобы на следующем занятии я видел результаты, леди Лавуа, а не ваши… Проблемы с резервом!

Обойдешься, старый хрыч. На следующем уроке, если мне повезет, я буду у совсем других преподавателей. Из толпы выпархивает Лиана. Её большие голубые глаза полны праведных, бесячих до изнеможения слёз сочувствия. — Селеста, о Создатель, твои руки! — тонко восклицает Избранная, протягивая ко мне такие тонкие паучьи белые пальчики, ссадив перед этим своего духа на плечо. Она желает меня утешить, но на самом деле лишь привлекает внимание к своему сияющему здоровому, плотному духу-фамильяру, парящему над плечом. — Тебе помочь дойти? Ты же совсем не

можешь колдовать, как ты… Мой глаз дергается. Но я тут же мотаю головой.

— Нет-нет, спасибо. Не нужно. Моя память вполне… Рабочая, в отличие от каналов, так что доберусь я сама. Кстати, хороший дух. Мне пора. — Мне действительно удается буквально выскользнуть из-под её руки. Лекарь находится в стороне Восточного Крыла. Услужливая память подкидывает новые воспоминания – чтобы до него добраться, нужно пройти через Галерею Плачущих Горгулий. Место отвратительное, там всегда холодно, полно сквозняков и дурной славы. Местные студенты постоянно находят там тайные ниши, где прячут запрещенные к чтению гримуары, а шпионы и соглядатаи Тени Принца обмениваются записками. Меня передергивает от воспоминаний. Мои каналы заблокированы. А значит, Галерея отреагирует на мою пустоту. Горгульи начнут скрежетать каменными когтями.

Дорога вышла, пусть и недолгой, тело услужливо напомнило мне коридоры. Засмотревшись по сторонам, я не ожидала, что магия действительно заставит ближайших каменных тварей выпустить свои коготки.

— Вот же! Веди себя прилично! Ты каменное изваяние – или что? Зачем так пугать?! Смотри на мои руки! Видишь?! Не просто так сюда пришла! А ты мне теперь ещё и инфаркт обеспечила! Стыдно должно быть.

Но стыдно куску архитектурного сооружения не было. Статуя плачущей горгульи, запрограммированная столетия-

ми реагировать леденящими душу звуками на любую аномалию в магическом фоне, на секунду замерла, словно опешив от подобной наглости. Каменный монстр, привыкший, что первокурсники с визгом убегают от него, выдает жалкий звук крошащегося известняка и замолкает. Кажется, девичья ругань обладает собственной, не изученной магией. — Здравствуйте, можно? У меня небольшие проблемы с руками… И с резервом! Здесь есть кто-нибудь? — И хоть никого рядом не было, по спине прошлись маленькие колючие мурашки. Целым стадом.

Глава 2. POV Рейнара. Встреча с Катастрофой

Слухи летят впереди леди Лавуа. Пока она шла по коридорам, шепотки тенями скользили по стенам. Надо же, она не плакала, Ещё и поклонилась, как солдат, Может она сошла с ума от горя?. Лазарет Южной Башни уже наверняка встречает её резким, стерильным запахом камфоры, спирта и толченого корня мандрагоры. Это длинное помещение, по моей памяти, с такими же высокими сводами, как и в ритуальном зале, где на узких кушетках, застеленных безупречно белым бельём, обычно приходят в себя после неудачных дуэлей или ритуалов неудачники-студенты. Я добираюсь до двери в несколько шагов, захожу быстрее неё и скрываюсь в тенях. Тем временем она, когда все же приходит, опасливо открывает дверь и выспрашивает о своих проблемах так, словно они решаются щелчком пальцев. А потом эта катастрофа движется дальше, к целителю с вечно недовольным лицом. Мастер Вейн растирал в ступке что-то так яростно, что мне стало даже несколько жаль неподатливый ингредиент. Его взгляд скользит по ее изодранному, пропахшему гарью форменному платью и останавливается на руках.

— Небольшие? — Вейн фыркает так, словно его лично оскорбили. Он подходит ближе и бесцеремонно хватает её

за запястья чуть выше ожогов. —Леди, ваши руки выглядят так, будто вы пытались сделать массаж огненному элементалю. Кожу я вам, конечно, восстановлю. Будет больно, останутся шрамы, если не использовать слёзы единорога… А они нынче дороги. Что же до каналов…

Он замолкает, щурясь и пуская слабую диагностическую волну исцеляющей магии по ее рукам. Сейчас он увидит то, что я заметил ещё в кабинете ритуалистики. Селеста должна почувствовать резкий, колющий холод, который должен смениться тупой пульсирующей болью. Словно в открытую рану насыпали отвратительного разноцветного битого витражного стекла. Вейн отшатывается и уголок моей губы ползет вверх. — Ваши каналы не просто повреждены, леди Лавуа. Они завязаны в мёртвый узел. — Я чувствую, как его слова, словно молотом, делают первый удар, забивая гвоздь в гроб её надежд. — Ни один целитель Башни не возьмется за такое… Второй удар. —…Чтобы подлатать такой кошмар, нужен источник чудовищной, первородной мощи. Иначе вы останетесь магической калекой до конца своих дней. Третий и последний. Я стою в тёмном углу лазарета, там, где за ширмой обычно хранятся сильнодействующие яды и эликсиры. И конечно, я не могу сдержать смешка. Бедная, бедная маленькая леди. Звук выходит сухим, тёмным, как шелест опавших листьев на могиле, куда закопали её надежду на светлое будущее. Я медленно выхожу из тени. Скука – страшная вещь, она заставляет меня совершать нелогичные

поступки. Например, вместо того, чтобы сопровождать своего венценосного братца на обед с ректором, я решил срезать путь через теневые коридоры Башни, чтобы посмотреть на последствия катастрофы из первых рядов. Я опираюсь плечом о стенку стеллажа, скрестив руки на груди. Мой глухой чёрный камзол сливается с полумраком, и лишь ледяные, серо-голубые глаза насмешливо блестят в тусклом свете магических ламп, судя по отражению стеклянных дверец. Я жду, пока она повернется, пока её глаза расширятся и наполнятся ужасом, ведь в башне меня знают. Точнее, знают мою роль – Второй ненаследный принц, Советник Его Высочества. Тень наследника. Человек, от одного взгляда которого у местной аристократии учащается сердцебиение и начинают потеть ладони. — Я видел в этих стенах многое, леди Лавуа, — произношу я, и мой голос, обманчиво мягкий, заполняет лазарет, заставляя целителя Вейна нервно сглотнуть и отступить на шаг. — Я видел студентов, рыдающих кровавыми слезами от перенапряжения. Видел тех, кто продавал душу демонам за каплю таланта. Но студентку, которая пытается воззвать к совести тысячелетней каменной горгульи, угрожая ей инфарктом… Признаюсь, это жанр, с которым я сталкиваюсь впервые. Сей театр абсурда в вашем исполнении поистине великолепен.

Я делаю медленный шаг к ней. Мой взгляд скользит по её бледному лицу, по каштановым волосам, по изуродованным рукам. В ней нет той хрупкой, истеричной надломлен-

ности, которую я ожидал увидеть. Она выглядит… Злой. И на удивление живой. — Вы просите чуда. — продолжаю я, останавливаясь в паре шагов. Возвышаюсь над ней. Запах гари от неё теперь смешивается с тонким, едва уловимым ароматом ее страха или адреналина. — А мастер Вейн прав. Ваши каналы мертвы. Чтобы их открыть, вам потребуется сила, равная силе наследного принца. Но, как вы понимаете, Его Высочество не раздаёт свою магию в благотворительных целях каждой бездарности, решившей поиграться с ритуальной магией. Я чуть склоняю голову набок, внимательно, почти что жестко изучая её зелёные глаза.

—Так что вы будете делать теперь, леди Селеста? Вернётесь в свое разорённое поместье? Продолжите кричать на статуи в надежде, что они подарят вам магию из жалости? Мастер Вейн, кашлянув, решает прекратить это избиение младенцев. Даже как-то жаль. Странные эмоции посещают меня сегодня. Целитель торопливо откупоривает склянку с густой зелёной мазью. — Давайте руки, леди, — бормочет он, стараясь не смотреть в мою сторону. — Я сниму воспаление. Но готовьтесь, это будет жечь так, словно вас варят заживо. — Ну… Что поделать. Шрамы, так шрамы. С финансами у меня действительно туго. — Эта невозможная девица пожимает плечами, даже не дрогнув на моем выступлении. А потом добавляет, словно жалуясь. — Горгулья меня действительно напугала. И я знаю, что сил, что горгулья, что Его Высочество не раздают, я же не глупая. Мне просто надо

будет сходить к ректору. Приступайте.

Поразительно, — думаю я, чувствуя, как внутри, сквозь привычную корку управленческого цинизма, прорастает тёмное, почти плотоядное любопытство. — Гордая, заносчивая пустышка Лавуа вдруг обрела инстинкт самосохранения портового крысолова. В её взгляде не было привычного благоговейного трепета перед «тенью Его Высочества» или животного страха, который я привык видеть в глазах придворных дам. Там была... оценка. Странная, почти голодная оценка, от которой по моему позвоночнику скользнул неприятный, но будоражащий холодок. А потом эта катастрофа переводит взгляд вниз, смотрит на свои руки, вздыхая. А целитель, с таким же тяжелым вздохом подцепляет деревянным шпателем густую жижу, от которой исходит едкий леденящий запах подгнивающей мяты и спирта. — Вы сами попросили, леди, — бормочет мужчина, не скрывая мрачного предвкушения, свойственного всем лекарям, привыкшим к чужой боли. Как только мазь касается обожжённой кожи Селесты, раздается отвратительное шипение. Густой белый пар поднимается от её рук, а в воздухе повисает запах, от которого заслезились бы глаза даже у бывалого мясника. Магия намертво вгрызается в поврежденные ткани, насильно заставляя клетки регенерировать, стягивая раны грубыми, уродливыми рубцами прямо на глазах. Это варварский метод для тех, у кого нет золота на деликатное исцеление. Пожалуй, боль должна быть такой, словно её руки медленно опускают

в кипящее масло. Я делаю ещё один неслышный шаг, оказываясь совсем близко. Настолько близко, что могу разглядеть крошечные золотистые крапинки в её ярко-зелёных глазах и почувствовать исходящий от неё жар. Почему она не бьется в истерике? Надо подлить немного масла в огонь. Я смотрю, как по её лицу текут слезы от боли. — К ректору? —Я склоняюсь над ней, опираясь рукой в чёрной кожаной перчатке о край кушетки. Мои длинные чёрные волосы прядями падают вперёд, отгораживая нас от суетящегося целителя. — Вы полагаете, наш многоуважаемый ректор, старый лис Арчибальд, позволит вам просто вычеркнуть предмет? Башня Магии — не лавка сладостей, леди Селеста. Если вы не можете платить талантом или звонким золотом, Академия заберет у вас кое-что другое. Время, возможно, ваш рассудок. Или и то, и другое, оставив вас с вашим бесполезным для короны носом.

Я чуть склоняю голову набок. Мои серо-голубые глаза впиваются в её лицо, ища хотя бы тень той высокомерной дуры, которая полчаса назад взорвала аудиторию.

— Вы удивительно прагматичны для той, чья жизнь только что превратилась в пепел. Отсутствие истерики — это шок или внезапно прорезавшийся интеллект? — я усмехаюсь, и в уголках моих губ прячется жестокая ирония. — Впрочем, ходят забавные слухи, леди. Говорят, отчаявшиеся часто ищут тайной аудиенции у... Его Высочества Кайрена. Шепчутся, что, если он подарит страждущей частицу своей

колоссальной силы через ритуал слияния, мёртвые каналы могут ожить. Сказки для наивных девиц, конечно. Но разве вы не в том самом отчаянии, когда готовы поверить в любую, даже самую сладкую и ядовитую ложь?

Я не прикасаюсь к ней. Моя рука в перчатке замирает в дюйме от её плеча, но от моей ладони исходит ледяная магия, странным образом контрастирующая с обжигающим жаром лечебной мази Вейна. Этот контраст вызывает мурашки, заставляя кожу покрываться гусиной кожей.

Вейн тем временем заканчивает накладывать бинты, его руки мелко дрожат — то ли от усталости, то ли от моего присутствия.

— На сегодня всё, леди, — сипло говорит старик. — Шрамы останутся. Чтобы они сошли, вам нужно чудо. Или... очень богатый покровитель.

Я чуть приподнимаю бровь, продолжая нависать над ней, не собираясь отступать. Мир вокруг сузился до запаха жжёной кожи, спирта и этого странного, напряжённого зрительного контакта. Мне хочется посмотреть, сломается ли она сейчас. Заплачет?

Начнёт умолять? Или снова выдаст что-то совершенно абсурдное?

—Ай! Йя-я-я-й! До чего же больно! — Она пытается подуть на руки, в надежде, что те перестанут так щипать. — Как вас там... Рейнар. Пожалуйста. Отва-ли-те-е-е-е. Вы знаете, как это больно?

Она шипит не хуже самой мази. Как дикая кошка.

— Никакого слияния с принцем! Ай! Яйя! Я же не выжила из ума! — По её щекам продолжают катиться крупные градинки слез от боли. — Хуже только зубы выдирать. А к ректору мне надо, потому что нужно сменить специализацию. Уйду в теоретики. Ничего страшного, шрамы есть у всех.

Звон упавшего на каменный пол металлического пинцета эхом разносится по лазарету. Целитель Вейн, побелевший до состояния свежевыстиранной простыни, застывает с открытым ртом. Леди из древнего, пусть и обедневшего рода Лавуа только что бесцеремонно заткнула и даже попыталась прогнать и послать к демонам личного советника будущего Императора.

Я замираю. Моя занесённая рука в черной перчатке так и остаётся висеть в воздухе. В голове на секунду становится совершенно, кристально пусто, а затем эту пустоту заполняет нечто давно забытое. Искреннее, неприкрытое веселье. Оно поднимается откуда-то из тёмных глубин грудной клетки, щекочет горло и вырывается наружу коротким, хриплым смешком. Я смеюсь. Тихо, по-настоящему, чувствуя, как трещит по швам моя безупречная, ледяная маска скучающего садиста. — «Как-вас-там-Рейнар», — медленно, с наслаждением перекатывая каждый слог на языке, повторяю я. Затем отступаю на полшага назад, давая ей то самое пространство, о котором она попросила. И снова скрещиваю ру-

ки на груди. Мой взгляд, обычно тяжелый и давящий, сейчас скользит по её заплаканному, перепачканному сажей лицу с почти что болезненным восхищением. Её слёзы оставляют дорожки на копоти, и в этот момент она кажется мне более настоящей, более живой, чем все расфуфыренные куклы императорского двора вместе взятые. Она всхлипывает, трёт лицо забинтованными ладонями, пачкая их, размазывает грязь, и выглядит при этом так абсурдно, так отчаянно колюча, что у меня внутри что-то странно и неприятно сжимается.

— Поразительно, — произношу я медленным, вкрадчивым тоном, в котором теперь отчётливо звенят нотки чёрной иронии, пытаясь взять под контроль неуместные ощущения. — Вы первая аристократка на моей памяти, леди Селеста, которая добровольно отказывается от ложа Его Высочества. Вы предпочли пыльные фолианты перспективе стать фавориткой? Боюсь, если принц Кайрен узнает, что его колоссальная сила проигрывает по привлекательности карьере теоретика, его нежное сердце будет разбито.

Я делаю театральный, почти издевательский жест рукой, указывая на дверь

лазарета.

— Идите, пока я не решил арестовать вас за оскорбление должностного лица. Впрочем, — чуть склоняю голову, и мои серо-голубые глаза вспыхивают хищным интересом, — сегодня воскресенье. Старый лис Арчибальд принимает про-

сителей после полудня, но у него есть отвратительная привычка напиваться эльфийским вином к пяти часам. Если вы поторопитесь, возможно, застанете его в состоянии, когда он ещё способен отличить живую студентку от галлюцинации.

Целитель Вейн, наконец, отмирает и начинает суетливо убирать склянки, стараясь слиться со стеной.

— Теоретическая магия, — задумчиво тяну я, глядя ей вслед, когда она направляется к выходу. — Отдел тех, кто слишком слаб для битвы, но слишком умён, чтобы умереть первыми. Какая ирония судьбы для рода Лавуа.

— Многоуважаемый советник Рейнар. Я не ту… Я не глупая, несмотря на то что вам кажется именно это. Я знаю, что за место фаворитки здесь скоро будет бойня. Вот это — Она показывает мне обе забинтованные ладони, поднимая их вверх. — мой дефект. И он замечательный. Надеюсь, Его Высочество будет от него брезгливо морщиться и никогда не посмотрит в мою сторону. Я не подхожу для принца. Я бедная, невоспитанная для аристократки и вообще - настроена на спокойную, размеренную жизнь. А теперь мне и правда пора, возможно, ректор действительно будет навеселе и даст мне возможность сменить специальность. Всего-хорошего-господин-советник!

Ирония ситуации настолько густая, что её можно резать чертовым ритуальным кинжалом. Девочка, чья семья отправила её сюда с одной целью — лечь под наследника или кого-нибудь побогаче, — только что посмотрела в глаза насто-

ящему наследному принцу и с облегчением призналась, что надеется вызвать у него отвращение. Я откидываю голову назад, и глухой, каркающий смех всё-таки вырывается из моего горла, заставляя целителя Вейна вжаться в шкаф с ядами. Спокойная жизнь? В Башне Магии, где стены пропитаны амбициями, а каждый второй студент спит с кинжалом под подушкой? Она с таким же успехом могла бы пожелать одомашнить дикую мантикору.

— Вы слышали это, мастер Вейн? — мягко спрашиваю я, поворачиваясь к дрожащему старику. Мой взгляд снова становится холодным и острым, как бритва. — Леди Лавуа надеется на спокойную жизнь. Если хоть одна живая душа в Башне узнает о том, что сегодня произошло в этих стенах... я лично проверю, как ваши внутренности реагируют на ту зелёную мазь.

Я разворачиваюсь на каблуках и растворяюсь в теневом переходе.

Глава 3. Архив? Какой архив?

Пока я пытаюсь найти кабинет ректора, часы в главной ратуше Академии уже глухо отбили без четверти пять. Солнце начало клониться к закату, пробиваясь сквозь высокие окна с витражными стеклами. Они бросали на каменные плиты пола длинные кроваво-красные блики. Портреты великих архимагов прошлого в тяжелых золоченых рамах провожают меня настороженными взглядами. Сначала я думала, что мне показалось… А потом до меня дошло – нет, так и есть! За моей спиной шелестели нарисованные шелка и перешептывались герои на холстах. Кабинет ректора Арчибальда находился на самом верхнем ярусе Центральной Башни. Дверь из чёрного морёного дуба охраняла массивная бронзовая ручка в виде ворона с рубиновым глазом. Едва я только подошла, глаз вспыхнул, сканируя магический фон, но, по всей видимости, не обнаружив никаких проблем, кроме, разве что, заблокированных каналов и почти выветрившегося запаха горелой плоти на моих руках, равнодушно гаснет. Дверь приоткрывается сама.

Внутри царил полумрак и хаос, свойственный типичным безумцам… Ну или гениям, раз этот странный мужчина смог занять пост архимага и директора магической академии. Стеллажи с книгами уходят под самый потолок, везде и всюду, на полках, устроились странные артефакты навер-

няка для измерений разных состояний магического фона. В воздухе висит затхлый запах старой бумаги, пыли и сладковатый дурманящий аромат эльфийского вина из ягод и верескового мёда. Ректор Арчибальд – тучный старикашка с бородой, похожей на всклокоченную овечью шерсть, срезанной на удивление ровной линией и с хитрыми лисьими глазами, сидит за массивным столом. Теперь я поняла, почему советник Его Величества (а точнее, сам истинный наследник!) называл его старым лисом. Перед ним пузатый хрустальный бокал, наполненный рубиновой жидкостью – и он смотрит на неё с такой нежностью, что я неловко прокашливаюсь. Он тут же поднимает на меня глаза… И в них нет удивления. Конечно. Система слухов, которые в Академии бегут впереди студентов. Мне бы застыдиться… Да вот только происходящее устроила не я, а оригинальная хозяйка этого тела!

—А, Леди Лавуа. — Тягуче, с легкой хрипотцой произносит Арчибальд, делая неторопливый глоток своего напитка. Его взгляд цепляется за мои забинтованные руки. Хочется спрятать их за спину. Перестань смотреть! —Я уже получил рапорт о произошедшем от Малахия. Вы едва не оставили меня без аудитории Ритуалистики. А Империю – без пары десятков знатных аристократов и двух принцев.

Он ставит бокал на стол и звук кажется неестественно громким.

— И теперь вы стоите на моём пороге. С забинтованными руками, с завязанными в узел каналами, и, как я полагаю, с

просьбой о переводе на Теоретический Факультет? — Арчибальд усмехается, откидываясь в кресле и явно прикидывая, как бы меня надурить. Не на ту напал! Я подбираюсь, и он это замечает. — Видите ли, дитя моё... Теоретическая магия – это не помойка для тех, кто не справился с практикой. Это погружение в самые тёмные, самые забытые архивы мироздания. Там не практической магии, нет взрывов и ожогов от ритуального огня, да. Но там есть фолианты, которые могут свести с ума одним своим оглавлением. Хорошенькой… Хоть и грязной мордашки недостаточно.

Он наклоняется вперед, складывая пухлые пальцы домиком. В его пьяноватом взгляде внезапно вспыхивает абсолютно трезвый, хищный блеск. Я настороженно моргаю.

— Если я подпишу ваш перевод… Что Башня получит взамен? Ваш род не может оплатить даже новые портьеры взамен тех, что вы сожгли. Вы предлагаете мне взять вас из чистой благотворительности? Или, может быть, вы готовы взяться за работу в Закрытом Архиве? Там никто в здравом уме даже не согласится стирать пыль.

А вот мне без разницы. Я с готовностью киваю. Где наша не пропадала?

— Давайте. Если мне за это ещё будут платить… Конечно, после того, как я закрою долг за те самые несчастные портьеры… Я возьмусь за работу в Закрытом Архиве. — Не давая ему продолжить, быстро говорю я. В книге о нем было написано немного. Но возможно только там я смогу выжить.

— Какая предстоит работа? Я вполне неплохо разбираюсь в составлении документации, в сверке, в анализе….

Старый лис Арчибальд давится эльфийским вином. Рубиновая капля повисает на его всклокоченной бороде, пока он переваривает услышанное. Несколько секунд в кабинете царит абсолютная тишина, прерываемая лишь тихим гудением магических артефактов. А затем ректор разражается громовым, хриплым смехом, от которого дрожат стёкла в высоких витражах.

— Оплатить? — он бьёт пухлой ладонью по столу, задыхаясь от веселья. — О, Создатель, она сожгла мне половину Северного крыла, а теперь требует жалованье! Леди Лавуа, да в вас умер гоблин-ростовщик!

Меня снова передергивает от холода – совсем как тогда, в лазарете. В глубокой тени за массивным книжным стеллажом, скрытый пологом невидимости, стоит Рейнар. Я понимаю это, когда при его появлении Арчибальд проглатывает смех. Тайный советник ходит теневыми коридорами каждую среду — если верить тому, что я помнила из книги, чтобы забирать свежие отчеты тайной канцелярии, которые этот хитрый старикан собирает для настоящего наследника по всей Академии. Арчибальд выпрямляется.

— Вы поразительно предсказуемы в своей непредсказуемости, леди, — произносит этот неприятный тип, которого я почему-то, когда читала книжку, считала очень привлекательным, останавливаясь в паре шагов от меня. — Мы рас-

стались всего десять минут назад, а вы уже пытаетесь ограбить Академию.

Арчибальд прочищает горло, мгновенно трезвея. Присутствие «советника Его Высочества» всегда действует на него как ушат ледяной воды.

— Господин Рейнар, — почтительно кивает он ему, прежде чем снова перевести взгляд на меня.

— Закрытый Архив находится под юрисдикцией короны, леди Лавуа. И работа там несколько... специфическая.

Он обходит меня по дуге, даже не скрывая странного удовольствия от моего, должно быть, скисшего лица. Останавливаясь у стола ректора, он опирается на него бедром и вертит в руках золотое перо.

— Закрытый Архив – это не библиотека со сказками, милая леди. Это кладбище чужих безумств, буквально. Там хранятся проклятые гримуары, которые могут откусить вам пальцы, если вы откроете их без должного почтения. Там лежат трактаты по некромантии, от одного текста которых начинает идти кровь из ушей. А ещё там хранятся грязные тайны Империи. Отчеты. Списки. Доносы.

Он склоняет голову, рассматривая меня. И я прекрасно понимаю, о чем он думает. Допустить до секретного архива ту, кому нужна власть и сила…

— Вы будете спускаться туда каждый вечер. Во тьму, где даже пыль пропитана остаточной магией мертвецов. Ваша задача – систематизировать поступления новых документов,

сверять инвентарные номера и следить, чтобы ни один фолиант не сожрал соседний. Это чёрная, неблагодарная, смертельно опасная работа, от которой отказываются даже старшекурсники-боевики. Если вы выживете там первый месяц и не сойдете с ума, Академия переведёт вас на факультет Теории. И да, вы получите свои жалкие гроши, чтобы спасти ваше родовое поместье.

Он делает паузу, позволяет тяжести слов осесть на мои плечи. Внутри же меня пульсирует странное предвкушение. И, прежде чем они оба успевают опомниться, я тут же киваю. — Раз там никто не работает, значит, что там очень вредные условия. Я, конечно, тоже вредная, но не полоумная. Двойная оплата труда, новая форма и дополнительные обеды были бы кстати. Где подписывать рабочий договор? Можно перед подписью посмотреть его заранее? Вы ведь не ожидаете, что я вам всем поверю на слово? Несколько долгих, тягучих секунд снова тихо. Слышно даже, как в дальнем углу жужжит попавшая в магическую ловушку муха. А потом наследник начинает медленно, почти ритмично хлопать в ладошки. Сухие, гулкие звуки отдаются от высоких сводов кабинета. Я едва останавливаю себя от того, чтобы закатить глаза. Позёр.

— Новая форма. И дополнительные обеды, — повторяет он, явственно, неприятно смакуя каждую абсурдную гласную. Его голос звенит от едва сдерживаемого восторга. — Империя балансирует на грани гражданской войны. В Закрытом Архиве лежат фолианты, способные выпотрошить

человека за неправильно прочитанное ударение. А леди Лавуа, стоя с обожжёнными до мяса руками, выбивает себе двойную порцию пудинга.

Глава 4. POV Рейнара. Архив.

Я опускаю руки и издаю тихий, искренний смешок. Эта девчонка – ходячая катастрофа для любой дворцовой интриги. Её невозможно просчитать, потому что она руководствуется логикой, от которой у любого уважающего себя аристократа пошла бы носом кровь.

— Арчибальд, — Не отрывая от неё глаз, обращаюсь к ректору, чей рот до сих пор слегка приоткрыт. — Дайте ей то, что она просит. Иначе, боюсь, эта торговка из трущоб обернет нас всех и Академию в первую очередь в долговое рабство. Две порции обеда за каждый поход в Закрытый Архив и форму. Но только ту, которую не жалко будет залить кровью. Ректор, крякнув, наконец отмирает. Он тяжело поднимается с кресла, его глазенки бегают. Я слышу сдавленное бормотание, что-то о вырождении знати и наглости первокурсников. Интересно, пойдет ли этот хитрец на провокацию и все-таки выпишет девчонке пропуск в Закрытый Архив? Она же ещё совсем крошка. Сколько ей? Двадцать? Двадцать один? По меркам магов, у которых ядро созревает к первому курсу и им нужно учиться управлять… Старик все же щелкает пухлыми пальцами, и один из ящиков его массивного стола отъезжает в сторону с недовольным лязгом. Надо же. Моего гнева он боится больше, чем устава, что запрещает всем ученикам до пятого курса без присутствия куратора

трогать опасные книжонки. Из недр ящика вылетает плотный свиток из тёмно-желтого пергамента и с глухим стуком восковой бляшки падает на столешницу

Воздух мгновенно наполняется запахом старого железа, пыли и чего-то неуловимо гнилостного. Так пахнет магия и договорные свитки, что скрепляют клятвами на крови. Я делаю шаг вперед, оказываясь вплотную к девчонке. Мой высокий рост позволяет мне нависнуть над ней, и я с садистским удовольствием вторгаюсь в её жалкое личное пространство. Хочу посмотреть, дрогнет ли она теперь. Для эффекта ещё и опираюсь о край стола по обе стороны от неё, запирая ее между собой и столешницей. Киваю на развернувшийся пергамент, который, почувствовав магию, заблестел текстом. Багровые чернила мерцали, а оттенок слегка извивался, словно яма с копошащимися червями. — Читайте, леди Лавуа, Договор подряда с Закрытым Архивом. Как можете заметить, к сожалению, никаких скрытых условий о продаже души. Академии она пока что без надобности. Но прошу вас обратить внимание на вот этот вот пункт. Академия не несёт ответственности за потерю вами конечностей, рассудка или способности говорить или различать цвета. Рабочие часы – с заката и до полуночи, в летнее время до двух часов ночи. Днём вы посещаете лекции теоретиков, если, конечно, будете в состоянии открыть глаза.

Арчибальд ставит рядом с договором тяжёлую серебряную чернильницу в виде черепа и кладет перо — длинное,

иссиня-чёрное перо грифона с острым металлическим наконечником.

— И есть ещё один нюанс, дитя моё, — подаёт голос ректор, наливая себе ещё вина. — Договоры такого уровня не подписываются обычными чернилами. По обыкновению, чародеи и колдуны ставят магический отпечаток, который выжигает душу, если клятву нарушают. Если ваши магические каналы мертвы, вам придётся использовать... альтернативный источник привязки. Кровь и ещё одного свидетеля-мага. Как удачно, что Его Светлость Советник здесь, сможет подтвердить.

— Вы просили показать вам договор, чтобы не верить нам на слово. — Яд в моем голосе уже настоялся, я специально вытаскиваю его наружу, чтобы никто не смог расслышать затаённое восхищение этим сумасбродством. — Какая осмотрительность. Читайте каждую строчку, прошу вас. Дьявол всегда кроется в деталях… Но прямо сейчас, леди, этот же дьявол стоит прямо за вашей спиной и может ответить на ваши вопросы.

Я небрежно и лениво подцепляю двумя пальцами в чёрной кожаной перчатке перо грифона – оно переливается магической вязью. Артефакт, который режет плоть и выкачивает столько крови, сколько необходимо, чтобы подписать магический договор. Протягиваю перо девчонке и в свете свечей наконечник пера зловеще блестит.

— Вы хоть удержать-то его сможете? — Позволяю я себе

снисходительно хмыкнуть. — Или без двойного пудинга и сменной пары перчаток не возьметесь, вредная леди Лавуа?

— Я бы предпочла мясо… Но пудинг подойдет тоже. Сменная пара перчаток? Неужели вы думаете, что я хочу нагре… То есть, вытребовать от Академии полное женское годовое жалование и туалеты, со всеми вытекающими? Сумма тогда действительно наберется немаленькая. Но нет, я прошу всего лишь ещё одну форму, как вы можете заметить, моя несколько негодна… А двойные обеды позволят мне восстанавливать энергию, ведь работа конкретно в этом архиве несколько вредная. Но если корона настолько бедна, то конечно, я готова…

— Будет вам и форма, и двойная порция мясной запеканки. — Резко обрываю её я.

— Вы очень милостивы. Спасибо. Кстати, здесь не указаны выходные дни… Но это не так важно, часов рабочих немного, поэтому я переживу. Рабочий договор заключается на год, верно? И если я выдержу месяц, меня официально без доплаты переведут на факультет теоретической магии? Вот тут пункт о производственных травмах… Но ничего о порче имущества, это хорошо. Это меня устраивает… — Последние слова она уже бормочет себе под нос, и я качаю головой, стараясь удержать на лице смесь равнодушия, вместо того, чтобы выдать удивление, смешанное с весельем. Эта пигалица… Никакого трепета ни передо мной, ни перед архивом, ни перед ректором. Никакого замирания от близости мужчи-

ны. Пугающего мужчины! Я медленно выпрямляюсь. Снова чувствую, как под рёбрами разворачивается тугое, горячее кольцо восторга. Странные ощущения. Кажется, я не испытывал подобного чувства уже очень давно.

Едва капля её крови срывается с проколотого пером же пальца и падает на пергамент, воздух в кабинете сгущается. Кровь не просто впитывается – она вспыхивает на желтоватой бумаге рубиновым огнём, расползаясь по строчкам и намертво вплетая имя Селесты Лавуа в магический контур Академии.

— Вы обратили внимание на отсутствие пункта о порче имущества, — констатирую я, разворачиваясь и закрепляя магический след. — Полагаю, к утру Закрытый Архив недосчитается пары бесценных фолиантов, потому что вы решите пустить их на растопку, если вам станет зябко.

Договор с тихим, змеиным шипением сворачивается в тугую трубку, и на нём сама собой вспыхивает сургучная печать с гербом Башни — перекрещёнными посохами и вороном. Сделка заключена. Теперь она принадлежит не своему обанкротившемуся роду, не интригам двора, а подземельям. Запах ее крови – резковатый, железистый, с едва уловимой примесью терпкого парфюма от её кожи на секунду перебивает густой аромат эльфийского вина в кабинете. Я делаю едва заметный вдох, чувствуя, как этот запах странным образом оседает на языке. А кровь-то живая! Дикая! Совершенно не похожая на аромат застоявшейся гнилой водицы, что

течёт в венах большинства местных аристократов.

Старый Арчибальд тяжело вздыхает, потирая переносицу.

— Да смилуется создатель над архивом, — бормочет ректор, взмахивая рукой. Прямо из воздуха на край стола с глухим стуком падает стопка тёмно-серой, почти черной ткани с серебряным шитьем. Чуть измененная форма, похожая на одежду служителей башни, укрепленная базовыми рунами от магических ожогов и кислоты. Прямо поверх ткани со звоном ложится массивный, покрытый ржавчиной железный витой ключ. — Ваша форма, леди. А обеды… Что же, скажете на кухне, что я разрешил выдавать вам паёк для троллей-охранников, раз уж вы так жаждете мяса. Оно вполне приличное на вид и на вкус.

Прежде, чем девчонка среагирует, я подхватываю ключ двумя пальцами. Я взвешиваю его – он холодный, тяжелый, словно пропитанный чужими секретами и вековой грязью. Хорошо, что я в перчатках. Гримаса отвращения все же пробегает по моему лицу. Гадость.

— Когда вы можете приступать? Прямо сейчас, леди Лавуа. Солнце почти село, договор скреплен. Самое время для тех, кто ищет спокойной и размеренной жизни среди проклятий. — Я с улыбочкой палача кидаю ключ обратно поверх её серой униформы. — Переоденьтесь в лазарете, раз уж вы так привязались к господину Вейну. Или в любой другой пустой аудитории. Мой голос приобретает привычные командные нотки. — Затем спуститесь на минус третий ярус

Южного Крыла. Там нет освещения, так что советую прихватить с собой магический светильник. Ах, да. Ваши каналы. Придётся взять обычную масляную лампу у завхоза. Дверь с барельефом слепой горгульи. Вставите ключ, провернёте дважды по часовой стрелке и один раз – против. Если ошибетесь – горгулья откусит вам руку по самый локоть.

Я задерживаю взгляд на её лице, запачканном сажей и следами от слёз. Странное, иррациональное желание поднять руку и стереть грязное пятно с её щеки вспыхивает в сознании и тут же безжалостно гасится моей же железной волей. Я прячу руки за спину.

— Я лично спущусь туда через пару часов, чтобы проверить, не съели ли вас заживо трактаты по демонологии, — добавляю я, и в моём голосе звучит чёрная ирония. — Или не съели ли вы их. Ступайте, леди. Ваша новая, блестящая карьера ждёт вас. И если вы останетесь живы, то я напомню вам о ваших обязанностях и ваших заботах. Первым делом уберите грязь, пыль и обустройте себе место доживания.

Я отступаю в тень стеллажей, давая ей дорогу на выход, и тихо добавляю в спину:

— И не забудьте: на минус третьем ярусе не принято громко разговаривать. Некоторые книги спят очень чутко.

Глава 5. Вперед, во тьму!

В своей прошлой жизни я работала с возрастным поколением и вредными, хрупкими страницами ветхих изданий. Посидеть пару часов в проклятом Архиве? Сойдет. — Спасибо вам большое, буду ждать приказа о переводе. — Когда ключ опускается обратно на форму, я тут же прижимаю к себе выданные казённые вещички и иду в сторону пустующих аудиторий. Пара щелчков – дверь же закрыта и я, наконец, избавляюсь от горелой формы. И как она ещё не расплавилась? Будь это синтетика, я бы не смогла отодрать её от кожи. Память бывшей владелицы тела всё так же услужливо работает, оценивая прорехи. Такую только на выброс – её не починить даже за несколько золотых монет у бытовиков, дешевле и проще зачаровать новую. Новая сидит, как литая, и я отправляюсь туда, куда мне указал своим коронованным перстом лжесоветник-принц. Надеюсь, хоть теперь этот подозревающий всё и всех мужчина оставит меня в покое. У него ведь наверняка должны быть свои дела! Нахожу зеркало – кажется, это аудитория артефакторов, потому что маленькие круглые зеркала лежат стопочкой у самого входа – и вытираю начисто лицо. Похоже на моё, то, из моей настоящей, хоть и прошлой жизни. На всякий случай убираю волосы в хвост тоже – есть несколько обожжённых прядей.

Архив встречает меня тишиной. Дойдя до нужной двери,

я все же с интересом оглядываю горгулью. Как их много в этой академии… Рука сама собой тянется огладить каменное изваяние. Она вроде не издает странных звуков.

— Хорошая каменная тварюшка. Тихая. Принести тебе потом какой-нибудь еды, чтобы ты не откусывала мне пальцы из-за ошибки? — Слепой каменный кусок двери, чьи челюсти столетиями дробили кости незваных гостей и воров, дергается и замирает. И наконец издает скрежещущий звук – нечто среднее между рычание и растерянным урчанием жерновов. А потом вдруг внезапно, тяжело двигаясь, поддается руке. — Хорошая девочка. Ты же девочка, раз горгулья, да?

Тяжёлая, окованная чёрным железом дверь Архива издаёт протяжный стон и медленно отворяется, впуская внутрь сквозняк. Он пахнет старостью, плесенью, чернилами и скрытой угрозой, если бы она вообще хоть когда-то имела бы запах. По моей спине в очередной раз пробегает холодок. Уже привычный, на самом деле, а между лопаток так чешется, что мне хочется огреть этой самой горгулье советника по голове, чтобы она ему её откусила. Он не ушёл. Конечно же, он не ушёл. Получив от Арчибальда необходимые ему шпионские бумажки и списки, он спустился сюда какими-нибудь тёмными теневыми проходами или тропами, чтобы снова поиздеваться надо мной. Насладиться зрелищем того, как высокомерная аристократка будет трястись от первобытного ужаса перед дверью в самое жуткое место Академии. Ага, не на ту напал. Я сдавала двенадцать академических задолжен-

ностей за две недели. Меня уже ничем не испугаешь, у меня есть диплом о высшем образовании. Но вместо обмороков, картинных заламываний рук он видит другую картину. Как я глажу смертоносный охранный барельеф и обещаю ему еду. Между прочим даже самый жуткий монстр любит ласку и радуется простой и вкусной еде.

— Она предпочитает сырое мясо. Желательно — филе из первокурсников, которые забывают, в какую сторону поворачивать ключ, — произносит его неприятнейшее советничество. Тусклый свет одинокого факела на стене выхватывает его бледное лицо, с резкими чертами в глазах и магия, которая скрывала его фигуру и лицо, словно нехотя сползает с его плеч тенями вниз. В его глазах плещется абсолютное недоумение, смешанное с ядовитой иронией. Чтобы он не был за моей спиной мне приходится сделать шаг назад, и я ловлю его взгляд, направленный на мои плечи и шею. Примеряется, чтобы сожрать? Но он по книге вроде не вампир и не дракон, как мне помнится. Просто мрачный противный советник. А потом он выдаёт уже привычное… — Вы неисправимы, леди Лавуа. О, я знаю.

— Пытаетесь подкупить едой то, что питается страхом. — Бездонная пасть Архива манит за собой. Это не просто библиотека. Это исполинский, уходящий глубоко под землю колодец, по стенам которого вьются кованые винтовые лестницы и бесконечные ряды стеллажей. Здесь нет окон. Воздух тяжелый, пропитанный магией такой плотности, что на язы-

ке оседает вкус железа от крови. В темноте то там, то здесь вспыхивают зловещие маленькие блуждающие огоньки манящих фолиантов. Так просыпаются гримуары, почувствовавшие незнакомую кровь новой смотрительницы.

Откуда-то снизу, словно из бездны, доносится тихий, сводящий с ума шёпот сотен голосов, больше похожий на шелест страниц. Книги разговаривают друг с другом. Мы спускаемся все ниже и ниже, пока не появляется дверь в очередной ярус.

— Добро пожаловать в Преисподнюю. — он делает театральный издевательский жест рукой в чёрной перчатке, приглашая меня войти в тьму. — Я решил заглянуть пораньше, чтобы потом не терять время. Ваше рабочее место – стол на первой галерее. Не советую спускаться ниже третьего уровня в первую неделю. Там хранятся трактаты по некромантии времен Тёмной Эпохи Нуа-а. Они любят… привязываться к живым. Буквально.

Он чуть склоняет голову, внимательно наблюдая за мной. Словно за дикой зверушкой наблюдает, который выскочил из норки и теперь оглядывается. Я же вспоминаю всё, о чем было написано в книге по поводу Архива. В Академии ходят слухи об этом месте. Поговаривают, что именно здесь, где-то среди полок, в секции Забытых Родов на втором уровне, скрыт Трактат о Первородных Истоках, книга, которая описывает запретных способы взлома и восстановления мертвых магических каналов без помощи венценосной крови. Ра-

зумеется, он ждёт, что я пойду туда. В первый же день. Он провоцирует меня на это, оставляя одну и пытается понять – сойду ли я с ума или пришла в Архив за определенными знаниями.

— И ещё одно правило. — Уточняет он. — Конечно, самое базовое, но почему-то наивные первокурсники об этом забывают. Ваше имя здесь знаю только я. Если вдруг вы услышите, как кто-то зовёт вас из темноты… Не отвечайте. Если книга упадет перед вами и откроется на странице с вашим прошлым – отвернитесь, подденьте носком вашей туфельки и отодвиньтесь. Это место питается не только страхом, но и вашими сожалениями. Все, что может вызвать яркие эмоциональные всплески, будет пожрано.

Он отступает (наконец-то!) оставляя, между нами, холодный воздух подземелья. — У вас есть час, чтобы рассортировать стопку документов на столе у входа и три, чтобы обосноваться здесь. В основном всё, что вас ждёт сегодня – это доносы профессоров на профессоров. Весьма увлекательное чтиво, если вам нравится грязное белье. Я буду в читальном зале на трех уровнях выше. Постарайтесь не умереть до полуночи, леди. Мне будет лень писать рапорт о вашей кончине и совершенно не с руки выдумывать целое объяснительное письмо, полное сожалений, для вашего отца.

— Благодарю за ликбез по правилам безопасности. Может быть, оставите меня в покое? Или вы теперь будете пасти мой бренный тру… То есть… — Ликбез? — Перебивает он ме-

ня, слово ему явно незнакомо, и я прикусываю изнутри щёку. В его говоре оно незнакомое, угловатое на вкус и звучит совершенно грубо. Словно в лязг несмазанного колеса у кеба. Он выбивается из изящной академической речи аристократа. — Ну и уродливое слово. Впрочем, для девицы, планирующей раскормить охранную систему Башни до состояния домашнего пуделя, ваш безумный лексикон не перестаёт меня удивлять. Пасти вас? Какое очаровательное сравнение. Массивная дверь за его спиной не смеет закрыться, застыв. Он похож на хищника – точно такого же, как и проклятые гримуары на полках.

— Мните себя невинной маленькой овечкой? И кто я тогда, по-вашему... Пастух? — Он смеётся, этот звук бархатный, он скользит по винтовым лестницам и звучит в этих стенах пугающе органично. Я неслышно сглатываю. Он проходит мимо меня к столу у входа. Это массивный кусок морёного дуба, сделанный добротно, но грубовато – без изысканной резьбы. Тот завален стопками пергаментов, они уже все покрылись серой пылью. Проводит пальцами – указательными и средним по краю столешницы, собирая грязь. И снова на его лице проступает отчетливая брезгливая гримаса. Он недовольно трёт пальцы друг о друга, стряхивая пыль на пол. — Вы переоцениваете свою значимость, Селеста. — Его голос ленивый и скучающий. А ещё он впервые не использует титула. — У меня в подчинении тайная канцелярия, сеть шпионов от Северных Пустошей и до Южных морей и

целый выводок аристократических идиотов, жаждущих перегрызть наследному принцу горло. Мой график расписан по секундам. Мне некогда заниматься пастушьей деятельностью. Но… Он делает очередной плавный шаг, в очередной раз сокращая дистанцию между нами. Я делаю инстинктивный шаг назад в ответ. — Признаюсь честно. Наблюдать за тем, как гордая пустышка с перевязанными мёртвыми каналами пытается выжить там, где ломаются хребты сильнейших боевых магов… Это зрелище, ради которого я готов пожертвовать часов своего сна. Тем более, кто-то же должен убедиться, что вы случайно не спуститесь на второй ярус, куда вам заходить запрещено. В секцию. Забытых. Родов. Говорят, там, на третьей полке слева, хранится один любопытный трактат. Отвратительная книжонка. У неё есть дурная привычка выжигать глаза тем идиотам, которые пытаются найти в ней древние ритуалы восстановления мертвых мана-каналов. Ритуал, что не будет требовать слияния с королевской кровью.

Я сглатываю снова. Вот оно что. Он всё же подозревает меня. Договаривая свой монолог, он наконец отстраняется и на его лице снова расцветает безупречная маска ледяного советника, а глаза становятся непроницаемыми.

— Было бы крайне досадной, если бы вы ослепли в первую же ночь, так и не отработав свою двойную порцию мясной запеканки. — Он равнодушно пожимает плечами, словно это его не касается. Это меня касается! Меня! — Разбирайте

свои доносы, леди Лавуа. Мой стол – на три уровня выше. Если какая-нибудь книга попытается откусить вам ваш миленький нос – кричите. Возможно, я все же услышу и соизволю спуститься и спасти то, что от вас останется.

Конечно, Селеста в книге проникла сюда. Большим трудом, обойдя охранные чары, чтобы найти эту книгу. И узнала, что если положить на жертвенный алтарь кого-то, кто будет любить её, то он разделит свою силу с ней и этого хватит, чтобы восполнить её каналы. Поэтому она наметила свой взгляд на Кайрена – и всячески пыталась привлечь его внимание. Тяжко вздохнув, я двигаюсь в сторону стола. Работа сама себя не сделает.

— Какой неприятный тип! — Шелестит какой-то голос сбоку, пока я сортирую доносы по месяцам. Я погрузилась в чтение, сначала решив отсортировать всё и отделить нужное от простого хулиганского бумагомарания.

— Ага, и не говори. — отвечаю я, тут же замерев.

Время словно останавливается, потому что отовсюду начинают звучать голоса.

— Она слышит нас?

— Она понимает нас?

— Кого нам прислали?

— Неужели мы теперь не одиноки?

Глава 6. Клуб "Сплетница"

Единственное, что мне остаётся – это замереть и приглядеться к окружающему пространству. Неужели мне не послышалось? Это ведь книги? Верно? Решив ткнуть пальцем в небо, я выставляю руки вперёд. — Так! Стоп-стоп-стоп! Вы все очень шумные. Меня зовут Селеста.

— Я гримуар забытых поколений!

— А я гримуар проклятых пустошей!

— А я трактат…

Книг целое множество. Я едва успеваю поворачивать голову, чтобы посмотреть на каждую, кто решился поздороваться, выползти или упасть в сторону моего явно шокированного лица. Когда Рейнар исчез, воздух в Архиве словно стал и легче, и гуще. Ощущение чужого давящего присутствия пропало, уступив место первобытному, древнему хаосу самого подземелья и его жителей. Голоса книг, сначала робкие, звучат все громче и громче, перекрикивая или перебивая друг друга, но для всех, кроме меня, похоже, этот звук был похож на сухой шуршащий хор. Они не привыкли, чтобы с ними разговаривали. Столетиями они лишь сводили с ума тех редких посетителей и смельчаков, что спускались сюда. Некоторые нашептывали им собственные страхи, некоторые показывали самые жуткие кошмары. Но я… Я ведь просто поздоровалась!

— Селеста! Её зовут Селеста! — восторженно просвистел тонкий фолиант в обложке из чешуи василиска, чудом не свалившись с верхней полки, но опасно выглядывая вниз. — И она не кричит! Она не рвет на себе волосы!

— Наконец-то разумная женщина… — пробасил толстый, обитый медью том Свода Законов Третьей Эпохи. — Предыдущий смотритель пытался сжечь меня после того, как я решил пошутить и прочел ему его же некролог!

— Селеста, Селеста! Посмотри сюда! У меня есть рецепт яда из слёз девственницы и толчёных изумрудов! — заверещал розовый дневник какой-то безумной фаворитки прошлого века.

Стеллажи вокруг меня мелко задрожали. Книги буквально боролись за моё внимание, продолжая вываливаться или выдвигаться с полок. Внезапно из темноты второго яруса, словно огромная летучая мышь, спикировал массивный, переплетенный в тёмно-красную кожу гримуар. Он с глухим стуком приземлился прямо на стопку доносов, которые я сортировала, едва не отдавив мне мои бедные перебинтованные пальцы. Я принюхалась. От книги пахло старой кровью и электрической проводкой. На обложке не было ни названия, ни автора. Только выдавленный контур разорванного круга. — Они все идиоты, глупая ты девчонка, — прохрипел гримуар голосом, подозрительно похожим на старческий кашель. — Не слушай этот мусор. Ты слышишь голоса Архива не потому, что ты особенная, а потому что твои каналы, хоть

они и не пусты, завязаны в гордиев узел. Эта извращенная, старая плотность магического подземелья резонирует с тобой. Я – Трактат о Первородных Истоках. Тот самый, о котором болтал этот жуткий брюнет с узкими глазами. Хочешь развязать свои каналы без принца? Открой меня на тридцать второй странице. Только приготовься к тому, что у тебя пойдет кровь из носа.

— Так! То есть я правильно понимаю, если я развяжу каналы, то я перестану вас слышать? И зачем мне это надо? Пока я дефектная, я смогу работать с вами! Тихо всем! Если вы будете падать, вы можете себе что-то повредить! Корешки, срезы, странички, обложки… Давайте договоримся – вы мне не читаете о моей смерти, не говорите о моем некрологе и не причиняете мне травм. А я по возможности рассказываю вам интересные истории. Идет? А ты… — Я ласково глажу важную шишку-книжку по обложке. — Спасибо за готовность помочь, это очень мило с твоей стороны. Но пока мои каналы – это моя спасительная сеть. Тем более, кажется, для развязки каналов в любом случае нужна кровавая жертва, а я, знаешь ли, не очень люблю вот это всё. Кровь, убийства… Это не моё. Так, надо закончить с доносами. Может быть, если я буду зачитывать их вслух, дело пойдет быстрее? Наверняка вам интересно, что там написано.

Трактат о Первородных Истоках, чьи страницы были пропитаны кровью сотен амбициозных магов прошлого, возмущенно завибрировал в моих руках. Книги такого уровня яв-

но привыкли, что перед ними падают на колени, их открывают трясущимися руками, их молят, выторговывая крохи знаний в обмен на рассудок. А я… Я отказалась от его силы, чтобы не потерять их компанию. И, полагаю, правильно сделала. Мой разум мне ещё пригодится. А остаться в тишине мне бы не хотелось.

— Ж-жертва?! — захрипел Трактат, и его обложка из тёмно-красной кожи возмущенно потеплела, словно книга покраснела от оскорбления. — Да это же просто варварство! Я требую лишь математически точного распределения болевых ощущений и совсем немного королевской ауры! Я не бульварный справочник по некромантии, чтобы выпрашивать трупы! Но… Может быть… Если ты могла бы помочь… У меня переплёт рассохся на 142-й странице. Возможно, если ты будешь нежна, то ладно. Я подожду.

Его голос внезапно потерял свою грозную хрипотцу. По архиву прокатился шелестящий гул. Книги, сотни лет мариновавшиеся в собственной желчи, академической пыли и слезах первокурсников (ещё тепленьких), восприняли моё предложение о сплетнях с таким восторгом, что парочка фолиантов на радостях выбила искры из каменных стен.

— Доносы! Грязные тайны! Бельишко! — заверещал розовый дневник.

— Читай про Малахия! — прогудел Свод Законов. — Этот старый лицемер на прошлой неделе читал меня вверх ногами, пытаясь найти лазейку в налогах на алхимические

ингредиенты.

— Да-да! — Снова важно влез розовый дневничок. — Читай вслух! Мы столетиями слушаем только скрежет горгулий и крики первокурсников!

Идиллия безумия вступила в свои права. Пока на верхних уровнях Архива Его-Настоящее-Истинное-Высочество-Рейнар занимались своими донесениями, тайной канцелярией и шпионами, а на верхних этажах Башни элита Империи спала на шёлковых простынях, в самом сердце самой запретной её (Империи? Или Академии?) части я, сев на пол вместе с кучей пергаментов, с выражением зачитывала древним демоническим книгам кляузы на профессуру.

— …Имею честь донести, что мастер ритуалистики Малахий тайно закупает на чёрном рынке экстракт рога суккуба для личного… кхм… использования, — звонко произношу я, а Архив взрывается сухим, каркающим смехом. Тёмная магия подземелья, питавшаяся раньше только страхом и болью, в эту ночь впервые попробовала чистое, абсурдное веселье и приятельское отношение. — Кстати, а для чего этот экстракт рога суккуба? Надеюсь, на Малахия есть донос, что он спит со студентками… Вот чует моя попа, что спит, а доказать не могу! Так, что тут ещё… Профессор Амброзиус! Надо же, какая фамилия. Имею честь донести, что профессор расоведения Амброзиус имеет тайные отношения с... Бог ты мой... С образцом некромантического отдела, зомби Клавдией? Фу!

Пятый, самый смешной и глупый донос, заставляет поморщиться. Кажется, кто-то подкидывает дохлых мышей (и это боевой маг Лаврентий) в столовую по четвергам, чтобы приворожить повариху. Та привораживаться отказывается, матерится, как портовый грузчик и раз за разом скармливает померших бедолаг горгульям. Подземелье от каждой прочтенной сплетни взрывается какофонией звуков.

— Ну что, полегче вам стало, дорогие? Кстати, я владею навыками реставрации. Так что, если у кого-то, кроме Трактата, есть проблемы, я могу помочь. Только надо, чтобы у вас не было крови девственниц, пропитавшей страницы… Хотя, пожалуй, и такое найти сможем. В общем, главное, чтобы не надо было ни с кого шкуру сдирать!

— Кровь девственниц?! Какое пошлое клише! — возмущенно, но с явным удовольствием скрипит Трактат о Первородных Истоках, хлопая обложкой. — Я сделан из тончайшей телячьей кожи! Вымоченной в слезах василиска! А переплет у меня рассохся от сырости, потому что этот старый хрыч Арчибальд жалеет ману на обогрев Архива! Если ты найдешь немного костного клея и льняных нитей… Я буду весьма признателен. И я даже не стану откусывать тебе пальцы в процессе!

Розовый дневник, перестав посмеиваться и едва не задыхаясь от восторга, начала перелистывать свои же странички с бешеной скоростью.

— Да! Да! Да! Рог суккуба – это именно то, о чем ты поду-

мала! Этот неприятный старикашка Малахий не может поднять свой жезл без алхимической стимуляции! А студентки от него бегают так, что сверкают пятки. Он им в прошлом году пытался подмешивать приворотное из моего третьего раздела, но перепутал коренья, когда переводил, и у него неделю была диарея! И у студенток тоже!

Где-то на нижнем стеллаже, самом опасном, около обрыва на следующий ярус, откуда обычно доносятся лишь стоны замученных душ, раздаётся гулкий, булькающий хохот фолианта по высшей некромантии. — Зомби Клавдия! — басит невидимый среди остальных книг гримуар. — Она же потеряла нижнюю челюсть ещё в прошлом столетии! О, Создатель, Амброзиус всегда казался мне извращенцем, но целоваться с Клавдией?! Мои страницы сейчас свернутся в трубочку от отвращения!

Древние, смертоносные сущности, запертые в переплётах, этой ночью превратились в кружок сплетниц на чаепитии. И центром этого невозможного мироздания стала я.

Глава 7. Очередное покушение. POV Рейнара

Звон разбитого хрусталя эхом разнёсся по мраморной зале. Я с холодной брезгливостью перешагнул через все ещё подергивающегося в конвульсиях дегустатора. Изо рта несчастного шла густая розовая пена, а глаза закатились так, что видны были только белки. Кайрен, бледный, как полотно, сидел в кресле, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Его парадный золотой камзол сбился, а корона на столе угрожающе покачнулась.

— Это было в вине из Южной Провинции, — выдохнул мой ставленник, мой щит и моя пешка, не в силах отвести взгляд от умирающего. Каждый раз – как в первый. — Если бы он не отпил первым. Рейнар, они подобрались слишком близко. В этот раз яд был лишён запаха.

Я стоял около огромного камина, небрежно опираясь локтём о резную каминную полку. Пламя отбрасывало на моё лицо резкие тени. В руке я вертел серебряный кубок, из которого так и не успел отпить наследник.

— Яд мантикоры, смешанный с соком луноцвета, — произнёс я ровным, скучающим тоном, поднося кубок к носу. Едва уловимый аромат горького миндаля и гнили. — Доро-

го. Слишком изящно для Южной Провинции. Кажется, граф Валериан решил, что ему тесно в его границах.

— И… Что мы будем делать? — голос Кайрена дрогнул. О, мой милый, милый братец! Наивное создание. Будь ты настоящим наследником, тебя бы уже сожрали вместе с твоими косточками. Я перевёл на него ледяной взгляд. Столько лет ты уже служишь мне живым щитом, но всё никак не можешь перенять и толики настоящего характера будущего Императора. Моё терпение на его глупость сегодня иссякло гораздо быстрее обычного.

— Мы? Мы не будем делать ничего, Ваше Высочество. Вы сейчас поправите камзол, вытрете пот со лба и спуститесь к гостям с лучезарной улыбкой. Вы скажете им, что дегустатор поперхнулся костью. Вы будете танцевать. Вы будете пить вино. Но только из тех запечатанных бутылок, что я проверю лично сам. И вы будете очаровывать дочерей послов.

Я бросил кубок на пол, остатки вина зашипели на морёном дубе, образовывая чёрную лужицу.

— А я… — Добавил я мягко, с пугающей нежностью. — Я отправлю пару своих теней в спальню графа Валериана. К утру его найдут в собственной постели. Врачи диагностируют разрыв сердца от чрезмерных любовных утех.

Потом я вытер о салфетку пальцы, которые были и так чистыми и бросил ткань в огонь. Подошёл к столу, налил себе ледяной воды и сделал долгий глоток. Физическая усталость за последние пару дней вгрызается в мышцы не хуже дво-

рового пса. Империя гниёт. Каждый день – новая попытка убить, предать, купить. На мгновение перед глазами вспыхнула нелепая картина: девчонка с каштановыми волосами и обожжёнными руками орёт на каменную горгулью в тёмном коридоре. Потом эта же девчонка – только гладит совершенно другую каменную тварь. Такая крошечная, бессмысленная проблема на фоне летящего в бездну государства. Мой отец оставил мне кучу проблем и мусор, который я должен вычистить за ним перед тем, как преставиться. Хорошо хоть я смог вовремя подделать указ, назначив себя регентом и советником Кайрена, иначе бы делёжка территории поглотила остатки государства.

— Иди, Кайрен. — Бросил я, не оборачиваясь и все ещё смотря на огонь. — Улыбайся. Веселись так, словно завтрашний день не наступит. Потому что для некоторых он действительно не наступит.

Когда дверь за лжепринцем закрылась, и я остался один в тишине огромных покоев, окруженный запахом яда, воска и роскоши, то начал методично продумывать и планировать убийство человека, который осмелился посягнуть на мою фигуру на доске. Никаких мыслей о глупых девчонках из Академии. Только холодный расчёт. Путь до кабинета занимает у меня меньше времени. До рассвета нужно решить множество дел.

Воздух столицы никогда мне не нравился. Он пах нечистотами, печным дымом и отрезвлял лучше любой магии.

Я стянул с себя бархатный камзол, запачканный кровью. По дороге в кабинет мне пришлось выполнить несколько не самых приятных дел – и результат одного из них уже лежал на столе. Тускло блестящий, весь выпачканный в бордовом перстень с гербом графа Валериана – того самого, что двумя часами ранее пытался отравить мой живой щит.

— Сердечный приступ был разыгран безупречно, милорд, — хрипло докладывает мне безликий. Наёмник, Тень – тот, чьё лицо навсегда скрыто под неснимаемой маской. — Врачи уже констатировали смерть от перенапряжения. Графиня рыдает, а наследники делят серебро.

Оттирая со щеки каплю крови белоснежным платком, я поворачиваюсь. Холод и пустота в моих глазах никуда не делись. Империя – это умирающий, дышащий на ладан механизм, шестеренки которого мне приходится каждую ночь смазывать кровью предателей, чтобы он проработал хотя бы до рассвета.

— Отправьте перстень его старшему сыну, — мой голос безэмоционален и холоден. Платок – снова в камин, теперь огонь пожирает ткань даже несколько весело. — Но… Повяжите лентой, что ли. Выберите самую красивую коробку. Пусть знает, что титул и это кольцо достались ему не по воле богов и замыслу Всевышнего, а по моей милости. Если он дернется в сторону оппозиции – в следующей коробке будет его голова.

Наёмник молча кланяется и растворяется в тенях. Я опус-

каюсь в кресло – и это движение грузное, тяжелое. Откидываю голову на высокую спинку, массирую виски. Боль тупой иглой пульсирует за глазами. Кайрен. Балы, яды, заговоры аристократов, прорывы тварей на северной границе. Я приоткрываю глаза и тянусь к стопке отчётов, что принес ещё утром из Академии. Мой взгляд скользит по сухим строчкам Арчибальда и снова, внезапно, точно непрошенная галлюцинация или наведённый морок, в памяти всплывает надоедливая девчонка с перебинтованными руками.

Надеюсь, Его Высочество будет брезгливо морщиться…

Я издаю сухой, короткий смешок, который звучит жутко в пустом, пропахшем кровью кабинете. Наверное, сейчас она сидит в темноте Архива, плачет от страха и умоляет горгулью выпустить её наружу. Слабая, сломанная маленькая пешка, чудом избежавшая доски.

Рассвет врывается в стрельчатые окна моего кабинета холодными, серыми лучами несколько часов спустя. Ещё одна ночь без сна. За это время мне уже успели сменить одежду – принесли новый, свежий, безупречный чёрный мундир с высоким воротником и тонкие белые перчатки. Глаза покраснели от бессонницы, а желудок сводит яркими спазмами. Ночь была поистине долгой: яд, убийство графа, перетасовка лояльных офицеров гвардии. На моих руках всё ещё фантомно ощущается липкая кровь, хотя я мыл их трижды.

Не отмыться.

Делаю глоток крепкого, горького, точно полынь кофе,

чувствуя, как напиток заставляет мой разум работать. Дверь неслышно отворяется и в кабинет скользит Безликий – мой лучший шпион, приставленный к Академии. Ну наконец-то.

— Докладывай, — хрипло от долгого молчания бросаю я, не поднимая глаз от стратегической карты Северных рубежей. — Как прошла ночь? Сколько аристократических идиотов перерезали глотки друг другу из-за места в фаворитах и фаворитках Кайрена? И.. — Я все же делаю едва заметную паузу, — что там в Архиве? Нашли тело леди Лавуа? Прикажи завхозу списать её форму и подай прошение Арчибальду о компенсации ее семье.

Безликий замирает у стола. Под маской не видно его лица – он отказался от него, чтобы служить мне, и всё же чувствую его замешательство.

— Милорд, — шпион прочищает горло, и я лениво перевожу взгляд. — Леди Лавуа жива.

Я замираю. Ручка с золотым пером, которой я обычно делаю пометки, останавливается в миллиметре от пергамента. Я не ослышался? Девчонка не послушалась? Или испугалась и просидела у входной двери до полуночи?

— Жива? — Медленно уточнил я. — Она не спускалась на нижние ярусы? Горгулья на входе ее не тронула?

— Горгулья… — Мужчина неловко мнётся, словно ему физически больно произносить следующие слова, и я впервые вижу его таким. Мои брови приподнимаются. Не понял. — Горгулья к часу ночи выплюнула к её ногам дохлую крысу,

словно… Словно дворовый кот, принёсший добычу хозяйке. А что касается ночи… Милорд, мы установили прослушивающий артефакт у вентиляционной шахты, чтобы исключить попадание леди Лавуа к закрытым источникам и ярусам. Ожидали криков о помощи. Или слёз.

— И? — Я поднимаю на него тяжёлый, ледяной взгляд. Что за дурацкая привычка не договаривать?! Да что случилось с девчонкой? — Что же вы услышали?

— Смех, милорд.

Золотое перо в моей руке с сухим хрустом ломается пополам. Моё любимое. Черные чернила пачкают белую перчатку – опять, черт побери, придётся менять.

— Повтори.

— Она читала вслух. Мы думали, что она немного… Сошла с ума, но, кажется, шелест книг вторил ей. Как будто отвечал. Она читала им вслух доносы, Ваша Светлость, — Безликий опускает голову, а затем припадает на одно колено. — Всё это время. Она обсуждала с проклятыми гримуарами…

— Ну не томи уже. — Моё раздражение считывается за версту.

— … Эректильную дисфункцию профессора Малахия…

— Что, прости?

— И романтические отношения профессора Амброзиуса с зомби из лабораторных образцов. Гримуары отвечали ей. Она потом говорила с ними о реставрации переплётов. К часу она сдала ключи завхозу, забрала свой двойной паёк и

отправилась спать, чтобы утром отправиться на лекцию по Теории Магии. Выглядела отдохнувшей. Ни следа от безумия или помешательства.

В кабинете повисает мёртвая тишина. Я смотрю на сломанное перо в своих руках. В голове проносятся образы прошедшей ночи: заляпанное кровью кольцо, пена на губах дегустатора, холодные и расчетливые убийства. И на фоне этой кровавой имперской бойни – это недоразумение. Она устроила вечер чтения сплетен для самых опасных демонических сущностей этого континента. Что-то тёмное, горячее и абсолютно неконтролируемое поднимается в моей груди. Я откидываюсь на спинку кресла, закрываю лицо ладонями в испачканных чернилами перчатках, и мои плечи начинают содрогаться.

Я смеюсь.

Смех вырывается из груди хриплыми, рваными толчками. Шпион в ужасе отшатывается, едва ли не падая, в сторону двери – он знает, что когда советник Рейнар смеётся, обычно чьи-то головы катятся с плеч. Но сейчас я смеюсь от обезоруживающего мой разум абсурда.

— Зомби Клавдия. — У меня даже появляется выступившая от веселья слеза, которую я утираю чистым пространством запачканной перчатки. — О, боги. Арчибальд сойдет с ума.

Впрочем, выдохнув, я снова цепляю на лицо маску холодного равнодушия. Смех обрывается так же резко, как и на-

чался до этого.

— Снимите наблюдение с Архива, — сухо приказываю я. — Она там в большей безопасности, чем в собственной комнате и в любом из кабинетов магических практик. Пусть работает. Но… Найдите мне расписание ее лекций по Теории Магии. Через пару дней загляну. Давно я не проверял, как идут дела с финансированием на кафедре теоретиков.

Безликий исчезает, поклонившись и оставляет меня наедине с моим остывающим кофе.

Глава 8. Очередная встреча.

В час ночи, когда я выходила из Архива, горгулья кинула мне к ногам дохлую мышь. Полагаю, если бы каменный барельеф мог вилять хвостом, то половины Архива уже не существовало – архитектурная тварь сломала бы и стены, и дверь, и несчастные ярусы. Конечно, я умилилась. — Это мне подарок? Кто хорошая девочка? Кто самая замечательная горгулья на свете? — Мышь я подняла, понюхала… — М-м, как вкусно выглядит. Но я на безмышевой диете, моя каменная радость. Давай ты её съешь сама, хорошо?

С аппетитным чавканьем горгулья проглотила свой поздний ужин. Меня передернуло. Когда же пришла пора сдавать завхозу ключ, он долго смотрел на меня, словно пытался понять – перед ним призрак или все же живой человек. Но деньги выдал, взамен забранного ключа. Выходило негусто – но за месяц скопится прилично, если не нужно будет тратиться на украшения, шелковые ленточки, стрелочки и всё остальное прочее, девчачье.

Клей и нити стоили неоправданно дёшево для материалов, которые нужны были не только артефакторам, но и ритуалистам. На всякий случай запаслась большим количеством, возможно, подлатать удастся не только основной костяк, но и остальных обитателей Архива. Ночь в общежитии проходит спокойно – я валюсь с ног, засыпаю, едва стянув с

себя форму.

Аудитория Теоретической Магии – это изысканное, академическое кладбище надежд, амбиций и желания жить. Сюда, судя по книге, под высокие красивые готические своды из бледного известняка, ссылают младших сыновей без наследства, аристократок со слабой кровью и тех, кто боится ударить оппонента. Здесь пахнет мелом, застоявшимися чернилами и тихим, удушливым отчаянием.

Я захожу внутрь, напевая под нос какой-то совершенно незатейливый мотивчик. И едва только толкаю дверь – тихий гул голосов стихает. Десятки глаз скрещиваются на мне, а после шепотки снова мгновенно вспыхивают. Они обсуждают всё – мою семью, её состояние и то, что ректор заставил меня отрабатывать долг за портьеры мытьём полов. Профессор Септимус, подняв взгляд от листа с фамилиями, продолжил перекличку. Ему, кажется, было все равно, лишь бы я не опаздывала. Лекции были интересными, пусть и сложными, но я действительно не подрывала себя, кабинеты и окружающих меня учеников (к большому сожалению горгульи, которая продолжала ласково урчать, когда я приходила на рабочие часы всю неделю). Лишь в пятницу вечером, ровно через неделю, когда я в очередной раз влетела в аудиторию с опозданием, Септимус наконец не выдержал.

— Займите своё место, леди Лавуа. Уже неделя прошла, а вы до сих пор не выучили расписание занятий? Вы и так уже опоздали на пять минут от начала эпохи формирования

эфира, — он поправляет сползающие на нос очки. — Открывайте тетрадь. Параграф двенадцатый. И ради Создателя, ничего не трогайте руками.

Но в этот раз лекция Септимуса прерывается, так толком и не начавшись. Сегодня пятница, а значит, лекция потоковая — и мне сразу бросается в глаза взволнованное лицо святоши Лианы, обернувшейся, пока я пробираюсь к своему месту. Стопка пергаментов, тетрадь, неудобное перо и чернильница-непроливайка, а рядом – ещё один бутылёк костного клея (старый уже заканчивался) и крупный моток льняных нитей. Вроде всё на месте. Едва только Септимус продолжает свой рассказ, тяжёлые двустворчатые двери распахиваются с негромким звуком, но почему-то этот звук бьёт по нервам присутствующих сильнее грохота. Студенты на самых задних партах, разглядев, кто стоит у входа, вжимают голову в плечи.

Порог переступает он. Едва только я понадеялась, что его внимание ко мне угасло, как он снова явился. Вспомнишь солнце, как говорится, вот и лучик. Только весьма своеобразный. Тёмный камзол застёгнут на все пуговицы, чёрные волосы гладко зачёсаны и перехвачены бархатной лентой, а на лице застыла маска скучающего, высокомерного превосходства. Хорош, чертяка. И знает это.

— П-покорнейше прошу простить, господин Советник! — Септимус бледнеет аж до синевы и роняет указку. Та с жалким стуком катится по каменному полу. — Мы не ждали

инспекции… Ваше Превосходительство…

— Очевидно, — он произносит это слово так, словно оно весит целую тонну. Но голос… Мягкий, обволакивающий, ленивый и разносится по мёртвой тишине амфитеатра. — А вы продолжайте-продолжайте, Септимус. Его Высочество просто поручил мне убедиться, что бюджет, выделяемый на кафедру теории, тратится на науку, а не на пустую болтовню.

Он неспешно, с грацией сытого крупного хищника начинает подниматься по ступеням между рядами. Студенты задерживают дыхание, от него несет ментолом и металлом – словно кровью. Его взгляд скользил по рядам, и, разумеется, останавливается на мне. Хочется закатить глаза. Он подходит к моему столу – баронский сынок, пухляш-сосед, что сидит со мной за одним столом, издаёт приглушенный писк и буквально сползает вниз, на край скамьи, лишь бы оказаться подальше от Рейнара.

— Леди Лавуа, какая неожиданная встреча. Надеюсь, теоретические трактаты даются вам легче, чем практика? — Тягуче произносит с ядовитой насмешкой лжесоветник. Она, эта насмешка, предназначена не столько для меня, сколько для всех присутствующих в академии. — В конце концов, бумага редко взрывается в руках… Если, конечно, это не манускрипты, с которыми вы теперь так тесно работаете. Студенты резко зашептались. Если бы только все знали, что на самом деле я читала доносы в Архиве и половину ночи посмеивалась над профессурой…

Вежливый оскал, которым я его награждаю, заставляет его сузить глаза. И продолжить экзекуцию над слабыми калеками. То есть, надо мной.

— Выглядите на удивление живой для человека, чьи амбиции всего неделю назад прогорели дотла. — Он опускается чуть ниже, говорит это тихо и его взгляд примагничивается к моим рукам. — Надо же мне было проверить, не умерли ли вы от тоски на этих лекциях.

Он подцепляет пальцами тетрадь, а затем его взгляд перемещается к моим покупкам.

— Вижу, вы уже нашли себе увлекательное хобби. Собираетесь склеивать разбитые сердца теоретиков, леди? Или нечто более древнее и злобное? — И тут уже я не выдерживаю.

— Советник… Опять вы, видно, судьба – та ещё проказница, раз она постоянно сталкивает нас вместе. Я не настолько обворожительна, чтобы разбивать чужие сердца, но вот некоторые безопасные книги в архиве и правда нуждаются в реставрации. Как повезло, что до Академии я занималась именно этим.

По аудитории прокатывается коллективный, сдавленный вздох. Пухлый баронский сынишка и вовсе хватает ртом воздух, бледнея так, что мне кажется, будто он сейчас упадёт в обморок прямо на свой конспект. Упс… Кажется, я переборщила?

Рейнар резко выпрямляется и я сглатываю, инстинктив-

но прижимаясь к спинке стула. Мамочки… На секунду его лицо застывает, и я понимаю, что мне не выжить. Но затем губы советника растягиваются в тонкой, идеальной улыбке хищника, который оценил чужую дерзость. Пронесло? Пронесло!

— Судьба, — повторил он, перекатывая это слово на языке, как вино. — Судьба, леди Лавуа, это утешение для тех, кто не умеет планировать. Терпеть не могу полагаться на судьбу и слепой случай.

Он переносит вес на одну ногу и складывает руки за спиной, принимая расслабленную в своей обманчивости позу. Пугающе. Видимо, так он привык занимать все пространство и его льдистые глаза не отрываются от моего лица.

— Прошу прощения… — Начинаю я, и он перебивает меня.

— Реставрация книг. Весьма удобно. — Он возвращает ледяной, формальный тон, и Септимус наконец выдыхает, явно не понимая, почему первое лицо в государстве пристало к безродной пустышке. — И благородно. Отличное применение для остатков вашей энергии. Академия будет вам предельно признательна, если вы не склеите страницы трактатов по стихийной магии. Боюсь, взрыв от подобной ошибки снесёт уже не только Южную Башню, но и половину столицы.

Он наконец-то делает шаг назад, и я вздыхаю полной грудью.

— Я вас поняла, Ваше Превосходительство.

— Учитесь прилежно, леди Лавуа. — Он бросает это с лёгким, презрительным прищуром и я возвращаю его ему в ответ. — Кто знает, возможно, ваши теоретические знания однажды помогут вам правильно составить опись имущества, когда ваш род окончательно пойдет с молотка.

Мои чувства вырываются наружу. Да как он… Как он смеет… Что я ему сделала?! Но он, видимо, удовлетворившись произведенным эффектом от собственных слов, поворачивается к Септимусу, который всё это время стоял, вжавшись в доску и прижимая к груди кусок мела.

— Продолжайте, профессор. Я услышал достаточно. — Приходится прикусить щеку, чтобы не разразиться гневной тирадой. — Феноменальный уровень мотивации ваших студентов.

И, бросая последний, косой взгляд на меня, неспешным шагом направляется в сторону выхода. Тяжелые двери закрываются за ним с глухим стуком, и в душную аудиторию врывается порыв воздуха. Жестким усилием воли я заставляю себя (и, кажется, не только я) вернуться к изучению лекции и написанию конспекта. Что там у нас… Самое начало – Воля, Слово и Форма. Магия – это не просто заклинание, оно имеет в себе множество составляющих. А когда занятие закончилось, я потягиваюсь, наслаждаясь красивыми строчками. Пока я складываю свои тетради, вокруг меня почему-то образуется мёртвая зона. Когда я поднимаю голову, вокруг

меня – ни души. Аристократы расступаются, словно от прокажённой, потому что внимание Серого Кардинала Империи – даже если это были публичные издевательства – это самая настоящая чёрная метка.

— Селеста! О, Создатель, Селеста! — Медовый, звенящий от праведного сострадания голосок разрезает шепотки. К моей парте устремляется Лиана. Избранная, гордость боевого факультета, чьи золотистые локоны всегда лежат идеально, даже если она только что спалила тренировочный полигон. На её плече сидит сотканный из чистого, тёплого света дух-фамильяр в виде сияющей певчей птицы. Но едва Лиана приближается ко мне, её милая нежная птичка вдруг тревожно чирикает, взмахивая крыльями и прячется за воротник, на плечи своей хозяйки, дрожа всем своим эфемерным тельцем. Видимо, она чувствует пропитавшуюся пылью Архива и едва уловимой древней магией гримуаров сумку, которая стоит на столе. Я тут же подтягиваю её за ремешок к себе ближе. Лиана слишком жадно для простоватой святой смотрит на неё. Что она ждет там увидеть?.. Почему-то это открытие кажется странным. — Это было так ужасно! — Голубые водянистые глазёнки (с идеальными ресницами, черт возьми!) наполняются слезами. Она картинно прижимает платок ко рту. — Этот цепной пёс… Этот жуткий Советник Рейнар… Он так издевался над тобой! Как ты только выдержала его присутствие?! Говорят, от его взгляда вянут цветы… И у тебя так странно пахнет из сумки, милая…

Словно старым склепом. Тебе точно не нужна помощь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.